

СПАРТА

Миф и история

Подборка публикаций

Профессор доктор Ганс Ф.К. Гюнтер

История спартанцев

Дорийцы распались на много племен, самым значительным из которых стали *спартанцы*. Каждое племя дорийцев распалось на три союза, *Pamphyloi*, *Dymanes* и *Hylleis*. *Hylleis* были иллирийского происхождения (или преимущественно иллирийского), и это значило, в бронзовый век преимущественно северного происхождения, как другие эллинские и индогерманские племена. В историческое время спартанцы отказались от старого деления своего племени на три части; но то, что такое деление существовало у них, как и у других дорических племен, видно уже из одного места у Афенея (*Athenaios*). (...)

С 900 года до н.э. уже можно проследить в Спарте образование господствующего слоя, распределившего плодотворную пашню долины Эвротас среди своих родов и постепенно из зажиточных крестьян превратившегося в землевладельцев и воинов-аристократов, и сделавших из деревень-лагерей или сельского городка Спарты город-лагерь, долговременный полевой лагерь как ядро власти аристократического государства. Вокруг этого полевого лагеря во всей долине лежало наследственное владение, *klaroi* этих господствующих родов, главы семейств которых, в течение длительного времени жили в городе-лагере и занимались там ежедневной военной службой. Как и у дорийской аристократии на Крите спартанские господа с их сыновьями вместе проводили совместные трапезы: сисситии можно вывести из обычая крестьянской трапезы индогерманских глав семейств, которые в больших семьях дольше всего сохранились – если не считать остатков такой традиции в еще сегодня существующих больших семьях (задруга) южных славян – в Риме в форме семьи агната, с его сыновьями и их женами и детьми и с его прислугой, объясняются семейным порядком, а не традициями мужского союза.

В восьмом веке до н.э. царская власть уже была ограничена советом старейшин и эфоров, (надзирающих чиновников из спартанской аристократии). Это развитие длилось до пятого века до н.э., вплоть до конфликта эфоров с царем Клеоменом, который закончился равноправием царей и эфоров. Также совет старейшин, *gerusia*, постепенно усиливал свою власть за счет царской

власти. Спартанская царская власть была представлена двумя родами, из которых всегда потомок одного рода правил вместе с потомком другого рода. Происхождение этого двоевластия двух домов, агиадов, потомков легендарного царя Агиса, и еврипонтидов, потомков легендарного царя Еврипона, до сих пор не удалось объяснить. Спартанская конституция характеризуется существованием трех слоев населения с различными правами, которые уже в седьмом веке до н.э. раскрываются в их разделении и градации.

1. Господствующий слой, **спартиаты**, обладающие земельной собственностью полноправные граждане, воинская аристократия, потомки энергичных родов дорического и индогерманского доисторического времени, взаимно свободные и равноправные, поэтому также называемые *homoioi*, потомки зажиточных крестьянских родов дорического доисторического времени, верные хранители индогерманского аристократического крестьянства, уже в сословной форме выступающие как закрытый аристократический слой. Это были владельцы наследственного имущества, *klaros*, поместья, которое могло прокормить примерно трех мужчин и трех женщин спартанского слоя, к этому добавляются еще семь – восемь семей гелотов (илотов), слуг, в целом примерно двадцать человек. В других эллинских государствах аристократия в раннеисторическое время теряла свое значение и власть, когда бой с использованием боевых колесниц или лошадей уходил в прошлое, и конница уступала по военной ценности пехоте. Спартиаты уже рано отказались от боевых колесниц и конницы, стали пехотинцами, развивали фалангу как боевой порядок тяжеловооруженных пеших борцов, в самом переднем ряду которой они сами боролись как аристократия; они в то же время обеспечивали этим свое положение господствующего слоя с наибольшими правами.

2. **Периеки (*Perioikoi*)**: Ф. Хампль подтвердил, что *периеки* также были дорического происхождения и принадлежали к спартанскому племени. Они были потомками менее энергичных родов, которым при колонизации доставались пашни на склонах гор, вне плодотворной долины Эвротас. *Периеки* были, таким образом, менее зажиточными крестьянами спартанского племени. Число долей спартиатов могло составлять примерно 9000, долей периеков примерно 30 000. Из слоя периеков постепенно возникали семьи ремесленников и купцов, которые становились богаче, чем соседние семьи спартиатов. *Периеки* считались свободными спартанцами, были допущены к Олимпийским играм, платили налоги и должны были служить в войске. Между спартиатами и периеками были возможны только свободные незаконные половые связи. Периеки владели также несвободными слугами, *гелотами (илотами)*, которые трудились на полях и занимались домашним хозяйством. С расовой точки зрения *периеки* первоначально, вероятно, не отличались от *спартиатов*, т.е. преимущественно были нордическими людьми. Но в то время как *спартиаты* строго следили за сохранением высокого уровня отбора их родов, *периеки* чаще могли вступать в связи с додорическим населением, с остатками ахейцев, и так постепенно получать более сильные примеси за-

падной и переднеазиатской расы. Они, вероятно, со временем утрачивали традиции индогерманского воспитания и разведения родов и вместе с тем также свою расовую целостность и особенность.

3. **Гелоты (илоты)**. Это нижний слой покоренного уже *ахейцами* доэллинского населения, по своим расовым признакам, вероятно, западно-переднеазиатского, как минойские *критяне*, все же, с некоторыми примесями северной расы из связей микенских *ахейцев* с дочерьми доахейского слоя. Гелоты были крепостными государственными рабами, из числа которых каждая семья спартиатов получала семерых, а каждая семья периеков одного человека; у них был маленький двор и небольшая пашня; в армии они служили как легковооруженные слуги их господ – спартиатов и периеков. По военному закону они считались покоренными врагами.

Примерно в 550 году до нашей эры в Спарте могло жить около 300-350 тысяч человек, из них две трети составляли гелоты и более одной четверти периеки, кроме них еще примерно двадцать тысяч аристократических семейств, среди которых было едва ли более 8000 взрослых мужчин. Вот такое небольшое население достигло поразительных результатов спартиатского слоя, из которого вышло так много выдающихся людей.

Между 700 и 630 годами до н.э. Спарта переживала мирное процветание, которому способствовало истощение мессенских крестьян дорического племени спартанскими завоевателями. Благодатный край в захваченной Мессении был распределен между сыновьями спартиатов, которые устроили там большие поместья. В этот мирный период в Спарте расцветали искусства, строительство храмов получило свою дорическую форму, скульптура создавала строгие законы оформления, поэзия достигла особенных успехов в хоровой лирике, языковая форма которой оставалась дорической также вне области дорических диалектов. Богослужебные праздники оформлялись торжественно, особенно почитание Аполлона и Артемиды, истинно дорических божеств и в то же время истинно северных божеств. Это был век спокойствия и достойного благосостояния обоих свободных слоев.

Со Второй Мессенской войной (примерно 640 – 612 годы до н.э.) вся спартанская жизнь резко изменилась. Требовалось большое напряжение и большие жертвы. Спартиаты сплотились в жесткую военную аристократию, в виде которой они и вошли в историю – как военная каста с суровыми законами военного лагеря. С шестого века до н.э. Спарта стала мирной по отношению к внешнему миру, стараясь сохранить статус-кво, но внутри она превратилась в лагерь маленького, но постоянно находящегося в состоянии боевой готовности войска, ее развитие двинулось в сторону односторонне воинственной жесткости. Крестьянско-аристократическое мировоззрение спартиатов не допускало денежного оборота и пыталось сохранить натуральное хозяйство. Спарта стала, таким образом, медлительной и неуклюжей в срав-

нении с соседними государствами, где укрепились денежно-экономические отношения, и к своему вреду часто также оказывалась в стесненном положении и с точки зрения использования своих сил.

Спартиаты из правящего слоя воинственных землевладельцев превратились в мужской союз профессиональных воинов в продолжительной боевой готовности. В таком мужском союзе лежали величина Спарты и ее рок, сила Спарты и ее окостенение, застой (смотри особенно у *Ганса Людеманна*). С этим мужским союзом в Спарте была, в конечном счете, задушена семья, и вместе с тем сама жизнь. Процесс окостенения закончился к концу пятого века до н.э., когда эфоры одержали победу над властью двух царей, и большой, но обременительный аристократический закон победил более великодушные и дальновидные мысли отдельных замечательных мужчин. С 550 года до н.э. духовное умирание в Спарте становится ощутимым. Спартиаты, наконец, как потомки индогерманских аристократических крестьян не руководили своим не подлежащим продаже наследственным имуществом уже больше не как господа, сами занимающиеся сельским хозяйством, а как землевладельцы, которые наблюдали за работой своих гелотов, от дохода которых они жили в Спарте и оплачивали свое тяжелое вооружение. Спартиату достойно было заниматься только помещичьим хозяйством и военными упражнениями с оружием – точно так, как это соответствовало также италийской, германской и персидской сущности, но у этих народов, тем не менее, это происходило так, что сама жизнь при этом не задышалась.

Как в Риме первоначально между патрициями индогерманского происхождения и плебеями доиндогерманского происхождения не было брачного права, *concupium*, так не было его между спартиатами и гелотами. Могли быть только свободные связи между этими слоями. Дети спартиатских отцов и неспартиатских матерей назывались *mothakes* или *mothones*. Такой *mothax* становился свободным, но не имеющим право на наследство гражданином; он не должен был предъявлять права на наследственное имущество и поэтому также не мог оставлять «настоящих наследников», если мы воспользуемся этим германским юридическим выражением, соответствующим общеиндогерманской точке зрения. Только в редких случаях особенных воинских заслуг после прохождения строгого спартиатского воспитания из таких метисов могли получиться полноправные граждане. Также из этого нарушения первоначального принципа происхождения, равнородства и полного права – а именно супружеского происхождения от свободных родителей индогерманского типа – можно сделать вывод, что спартиаты из чистокровного аристократического крестьянства с рациональными расовыми воззрениями стали уже сословным слоем с менее рациональным воззрением на отсеивание и отбор: наконец, спартиатское воспитание ценилось выше, чем происхождение спартиатских родителей, равнородность определялась по сословным принципам и больше не только по принципу отсеивания и отбора предрасположенности при супружеском зачатии. Воспитанию, т.е. влиянию окружающей среды,

сословным сознанием приписывалась сила, которую можно было искать только в предрасположенности. Такое изменение от соответствующего типу к соответствующему социальному положению могло победить потому, что в слоях периеков и гелотов, особенно среди гелотов Мессении, нордический элемент сделал возможным появление мужчин от внебрачного зачатия между слоями, которые могли казаться спартиатам равноценными и достаточно сильными, чтобы выдержать спартиатское воспитание, появление мужчин, которые также и по физическим чертам были равны спартиатам. Все же, полным отказом от внимания к предрасположенности и наследственности принятие сильных метисов (*mothakes*) не являлось, так как спартиатское воспитание должно было действовать как патрицианское-латинское, и как должностная карьера (*curius honorum*) в Риме.

В Спарте воспитание должно было действовать в качестве отсева, с его помощью нужно было доказать, обладает ли юноша спартиатского слоя теми физическими и психическими качествами, которые ожидалось от него согласно его происхождению. Так тренировались пятиборье и бег, так испытывался и тренировался рассудок, короткая речь и ответ, неразговорчивость при надежно удачном выражении, спартанская *лаконичность*. Хитрость разучивалась, изучалась военная хитрость, без которой не могло бы выжить маленькое меньшинство «посреди многих врагов». Криптея (*Krypteia*) должна была тоже служить для упражнения молодежи во внезапном нападении. Если спартанцы побеждали оружием, то они жертвовали петуха, если побеждали хитростью, то жертвовали быка. Эта похвала хитрости не означала нехватку боевого духа и умения; однако, она возникла от страха перед потерями господствующего слоя, страха, который часто удручал Спарту.

При таком просеивающем воспитании в Спарте подрастал (смотри *Ульриха Вилькена*) отбор твердых как сталь аристократов (*kaloï k'agathoi*) который, хоть и уступал своим противникам в численности, вплоть до Персидских войн возглавлял всю Элладу и был способен сражаться с более сильным врагом. «Без Спарты Греция стала бы добычей персов». (М.П. Нильсон)

Застой Спарты и ее закат

В шестом веке до н.э. в Спарте совершилось сужение человеческого существа и деятельности, начало застоя, который, наконец, стал одной из причин ее заката. Спарта была старой по своему мировоззрению властью, которая в других эллинских государствах боролась с формой господства тираний, произошедшей из устранения аристократических правителей. Еще в шестом веке до н.э. Спарта стоит во всей своей силе; она занимает бесспорно доминирующее положение для всей Эллады и оказывает влияние на все эллинские государства. В поколении перед началом Персидских войн можно заметить время расцвета спартиатства (смотри *Вильгельма Рошефа*). В борьбе против

направленного на Элладу удара могущественной персидской империи Спарта взяла на себя руководство, которое у него не могло оспаривать ни одно другое эллинское государство. Другие государства без Спарты, вероятно, смирились бы, с господством персидского царя, которое уже распространялось тогда на греков Малой Азии. Под командованием спартанского полководца Павсания спартанцы и платейцы как ядро эллинского вызова сражались под Платеями в 479 году до нашей эры против персидского войска. Наивысшим блеском спартанской чести оружия и государственной идеи была гибель спартанцев во главе с царем *Леонидом* в узком горном проходе Фермопилы, когда в 480 году до н.э. царь добровольно пожертвовал собой с 300 спартанцами и 700 феспийцами для Эллады. Спартиаты потеряли при Фермопилах примерно одну двадцатую часть их состава; смертная битва трехсот спасла благодаря задержке персидского продвижения флот афинян, что, тем не менее, мало значило для исхода похода, но величие поступка, самопожертвование спартанцев, не только для Спарты, а для всей Эллады, действовало отныне как ода спартанской сущности и убеждало других эллинов, что Элладу можно было спасти, только если Спарта возглавит ее, и воины Спарты составили ядро эллинской армии. В Спарте гибель трехсот при Фермопилах продолжала воздействовать как призыв, пока еще существовали спартанские роды.

Еще в пятом веке до н.э. Спарта оставалась могущественной и внушающей страх. Но ее закат был уже predetermined вымиранием семейств спартиатов: уже потери при Фермопилах больше нельзя было компенсировать. *Л. Циен* предполагает, что число спартиатов сильно уменьшилось уже между Персидскими и Пелопоннесскими войнами. В 480 году до н.э., во время, когда спартанский слой состоял еще примерно из семи – восьми тысяч глав семейств, спартанцы еще могли без больших сомнений пожертвовать тремястами их самых умелых мужчин при Фермопилах, но самое позднее после связанного с большими потерями землетрясения в 464 году до н.э. использование спартиатских воинов происходило со все большей осторожностью, чтобы не вызвать дальнейших невосполнимых потерь. Вымирание аристократических родов, таким образом, должно было быть заметным. Землетрясение 464 года до н.э. согласно *Плутарху (Kimon, 16)*, было самым страшным, которое когда-нибудь случалось. По сведениям *Диодора (XI, 63, J)* при этом погибло двадцать тысяч лакедемонян. Это число, по оценке *Циена*, вероятно, только в малой степени преувеличено. При землетрясении рухнул Гимнасион, большое здание, состоящее из залов, служащих для физических упражнений, и погреб под собой эфебов, подрастающих юношей и помогающих им мужчин. Много женщин и детей в городе Спарте были погребены под рухнувшими домами.

Непосредственным последствием землетрясения было восстание гелотов в Лаконии и мессенских крестьян, предки которых стали гелотами: они убивали спартиатов, находившихся в их поместьях в Мессении. Из посланной в Мессению спартанской армии под командованием полководца Аримнеста, который при Платеях убил персидского предводителя, в бою пали триста спартиатов. Мессению удалось снова покорить только после десятилетней борьбы и больших потерь спартанской армией во главе с *Архидамом*. Это было Третьей Мессенской войной. Теперь потери спартиатского слоя больше не могли быть восполнены. Искусство государственного управления Спарты после землетрясения сузилось до стараний, направленных на сохранение существующего положения, защиты от упадка, который стал очевидным после восстания мессенцев. После землетрясения в Спарте нельзя было найти ничего схожего с ее прежним процветанием и благосостоянием. Угроза со стороны западных мессенцев сохранилась; с восточной границы, с Аргоса, поднимаются новые опасности; борьбу с Аргосом удалось выиграть, Аргос отдал спартам Кинурию.

Из спартиатского коллективного союза возник спартиатский мужской союз, дух которого разрушил семью в Спарте и обескровил, таким образом, силу Спарты. Заблуждение в виде смены коллективного союза настоящим мужским союзом, в том виде, в котором он существует, как правило, только при матриархате, как раз угрожало сохранению спартанских родов и, наконец, ускорило их вымирание.

Окостенение государства вошло в завершающую стадию, когда в конце пятого века до н.э. эфоры победили царскую власть, когда таких значительных людей как *Павсаний* и *Леотихид*, царей и полководцев, стало возможно свергать и приговаривать к смерти, как в шестидесятые годы пятого в.а до н.э. Примерно в 400 году до н.э. в Спарте господствовал холодный, повелительный эгоизм, усмиренный жестким самообладанием в мужском союзе. Против чужих мыслей и людей Спарта была теперь закрыта. Вследствие этого страна осталась сохраненной, наверное, от проникновения неполноценных или бунтующих людей, которые направлялись в Афины в большем числе и населяли Пирей; однако, это препятствовало и иммиграции замечательных мужчин, что принесло Афинам ценные силы. В Спарте, как в республиканском Риме, боялись влияния чужих воззрений, учений и обычаев. Спарта хотела сохранить свои обычаи *Ликурга* в сохранности; она осознавала ценность этих обычаев для защиты и сохранения своих семей и также должна была понимать, что даже одно сомнение в этом, вызванное чужим духом, означает угрозу отбора. Из слов *Плутарха* (*Lykurgos*, 13) следует, что сущность и значение обычаев понимали, что считали, что лучше закрепить заповеди и запреты в обычаях, чем только выразить их в законах; законы должны были корениться как обычаи в образе мыслей и нравов граждан. Так неограниченная ценность обычая и ограниченная ценность закона должна была пониматься, например, в том смысле, который получается из описания герман-

ской жизни у Тацита (*Germania, 19,15*): хорошие обычаи ценятся у германцев больше, чем у римлян хорошие законы.

Из этой уверенности в значении и ценности обычая проистекает недоверие спартанцев к чужим людям и чужому духу. *Плутарх* полагает, *Ликург* хотел уберечь Спарту от «нравственного заражения» еще больше, чем от занесения эпидемий. Но изоляция страны стала, в конечном счете, удушением спартанской жизни и происходила, наконец, только лишь в бездушном намерении сохранять привычное и существующее без изменений. Спарта потому осталась отсталой в эпоху перемен, утратила доминирование над Элладой, так как ее взгляд сузился на одном лишь Пелопоннесе, и так как она неисправимо придерживалась того, что с новыми ситуациями можно по-прежнему справиться старыми испытанными или привычными средствами обычного искусства управления государством, лишь бы только спартанское пешее войско благодаря своим длительным упражнениям всегда было в боеготовности. (...)

Состав и власть господствующего слоя были predeterminedены для исчезновения, когда в период, который еще нельзя определить точно, вероятно, в начале четвертого века до н.э., по *Закону Эпитадея* вся пахля из государственного владения перешла во владение отдельных людей, когда из не подлежащего прежде продаже наследственного имущества, одновременно наследных ленов государства спартиатским родам, теперь получилось отчуждаемое недвижимое имущество одиночек, наследование которых больше не было гарантировано для потомков, так как отдельный человек свободно мог располагать теперь своей последней волей. Свобода распоряжения могла вести к завуалированным продажам, теперь, после внедрения денег, к продажам за деньги. (...) из господства аристократии с сельским образом мыслей возникло такое господство городских богачей (олигархия), которое поддавалось разложению.

Последствием закона было объединение нескольких поместий в руках меньшего количества людей, становящихся слишком могущественными спартиатов, т.е. *образование больших поместий*, которые, начиная с определенной пропорции, всегда представляют собой угрозу государству. Из-за образования больших поместий при уменьшении количества средних и маленьких хозяйств в истории большинства народов индогерманского языка произошел поворот к беде. Среди спартиатов возникло противоречие между многими бедняками и немногими богачами. Спартиаты, которые больше не могли нести расходы на свое вооружение, и больше не могли делать свой взнос в общие трапезы, теряли полные права граждан и опускались к урезанным правам спартиатов, на ступеньку *hypomeiones*, неполноправных, примерно на уровень периеков. С конца пятого века до н.э. сыновья из таких урезанных в правах спартиатских семейств, как *Kinadon*, начинали помышлять о свержении. (...)

В середине пятого века до н.э. пагубное перенесение отношений владения зашло уже настолько далеко, что немногие могущественные семейства владели самой большей частью земли граждан, и что из этих больших поместий $\frac{2}{5}$ были во владении дочерей-наследниц, так как в их семьях больше не было наследников мужского пола. (*Аристотель: Политика II, 9, 15* и *Плутарх: Agis, 5, 7*).

При *Агисе III* (после середины третьего века до н.э.), по сведениям *Плутарха (Agis, 7)*, «самая большая часть богатства Спарты была в руках женщин»; но большинство из них предавалось одной лишь беззаботности. Богатые и независимые наследницы были следующей бедой для государства, которое в то же самое время все больше и больше ослабляла Пелопоннесская война, и господствующий слой которого уже численно сократился.

Внешние события (землетрясение) и внутренние изменения (наследование дочерьми) способствовали *вымиранию слоя спартиатов*. Связанная с большими потерями борьба должна была вестись против Аргоса и Аркадии, потом против восстаний гелотов; наконец, больше нельзя было надеяться на восполнение потерь за счет рождений. (...) Одно сказание сообщает, что уже в 700 году до нашей эры в Первой Мессенской войне, когда спартанцы обещали, что не вернутся до победоносного конца, но война слишком затянулась, воюющие стороны опасались того, что при длительном отсутствии мужчин не будет хватать подрастающего поколения; поэтому более молодая дружина, которая не была связана этим торжественным обещанием, была послана назад в Спарту, чтобы они позаботились о рождении потомков для связанных клятвой более старых воинов. Зачатые таким образом дети по одному из свидетельств назывались *partheniai*, сыновья дев; они должны были позже основать новое дорическое поселение в Тарасе (Таранто). (*Аристотель: Политика V, 7, 2*) и *Страбон (VI, 3, 2)* писали об этом. (...) Более зловещим, однако, чем внешняя угроза из-за военных потерь была внутренняя угроза из-за *падения рождаемости при разрушении семьи*.

Изменения в положении женщины

Свободное положение женщины, которое характерно для всех индогерманцев, еще сохранялось в Элладе во времена Гомера; такие фигуры как *Пенелопа, Андромаха, Аретя* и *Навсикая* доказывают это. Это свободное положение женщины почти сохранилось в Спарте, в то время как у других эллинских племен женщина постепенно теряла ее первоначальное положение хозяйки (*despoina*), и даже в вопросах домашнего хозяйства играла куда меньшую роль, чем хозяин дома. Индогерманский обычай придавал равное значение мужу и жене, в то время как другие племена семитских языков придавали женщине явно меньшее значение. Восточная несвобода женщины, ее запираение в ревниво оберегаемые женские комнаты и ее вытеснение из об-

щественной жизни: наконец, такие обычаи и воззрения стали характерными для Афин и большинства других эллинских государств, в то время как наследование дочерями и, вероятно, также влияния духа матриархата доэллинского населения, а также нехватка женщин, произошедшая, вероятно, после землетрясения, скорее еще больше повышали значение женщины в Спарте. В Афинах уменьшение уважения к супруге привело к тому, что остававшиеся не замужем, свободно дарящие свое расположение мужчинам женщины, часто женщины с хорошим образованием, гетера (*Hetairen*), становились все более влиятельными. Образованные любовницы состоятельных мужчин способствовали разложению государственного образа мыслей в Афинах не только подстрекательством ссор ведущих мужчин друг против друга и содействием софистического растворяющего духа, но и тем, что они лишили более ценных мужчин семейной жизни, и в их отношениях с ними сами оставались бездетными, способствуя в значительной мере вымиранию настоящих эллинских семей.

В Спарте как мужской союз, так и увеличивающееся женское влияние, как наследование дочерями, воздействовали опустошающим образом. Чем больше государство и мужской союз требовали от мужчин в четвертом веке до н.э., чем больше в то же время убавлялось число спартиатов, тем сильнее росло влияние женщины. Женщины были предоставлены сами себе, ведение домашнего хозяйства и поместья часто предоставлялось в их руки; много женщин становились из-за этого самонадеянными и необузданными. В четвертом веке до н.э. ухудшилась слава спартанской женщины. Супружеские узы ослабевали, упоминавшееся *Полибием* (*XII, 6, 8*) многомужество распространялось. Дочери-наследницы начинали предаваться наслаждению жизнью, также наслаждающему спорту, который означал для них часть личной гигиены. Традиционный смысл спартанских физических упражнений терялся; девочки упражнялись больше не ради хорошего материнства, а ради своего прекрасного тела. В *Тускуланских беседах* (*Цицерон: II, 15, 16*) приводятся греческие стихи, вероятно, написанные в конце пятого века до н.э.: спартанки думают больше о своем спорте, чем о рождении детей. Предупреждение зачатия из комфорта и эгоизма распространялось наряду с предупреждением по причине обеднения. Кажется, что много дочерей спартиатов, потомков свободной жизни, сочетались браком только поздно и рожали только лишь одного ребенка или двух. При этом дочери спартиатов все еще принадлежали к самой лучшей человеческой породе, которую породила Эллада.

Разрушение

Плутарх описал разрушение Спарты как общее последствие отклонения от старых спартанских обычаев (*Лаконичные изречения*): «До тех пор, пока Спарта следовала законам Ликурга и оставалась верной данной клятве (...), она на протяжении пяти веков была первым и самым благородным среди эллинских государств», тогда, однако корыстолюбие и любовь к богатству процвели в нее; могущество уменьшилось, союзники отпали. Но спартанцев еще уважали благодаря остаткам обычаев и законов Ликурга вплоть до времени после смерти *Александра Македонского*; наконец, они совсем перестали уважать конституцию Ликурга, полностью отказались от своего традиционного уклада жизни, тираны ослабели и попали, наконец, под господство римлян. Эта дорога к закату стала неизбежной, наверное, тогда, когда принцип неотъемлемости наследственного имущества – продовольственных основ для семей с достаточным подрастающим поколением – был отменен, и в Спарте земля тоже стала товаром.

После поражения при Селласии последовали бессмысленные попытки спасения экономики и государства, которые свидетельствуют, что теперь также осмотрительность, сдержанность и разум, эти подлинно спартанские, и одновременно северные добродетели также исчезли в Спарте, которые в спартанцах так хвалил еще *Фукидид* (I, 84). После того, как в 206 году до н.э. жестокий и язвительно грубый *Набис* стал тираном, в Спарте установилось жестокое правление, убивавшее старые семьи, которые противостояли тирану из любви к свободе, но эта тирания уничтожила также большинство уважаемых и богатых семейств, так как *Набис* их боялся. (...) В этом разрушении пали последние семейства спартиатов, но также и некоторые более мелкие семьи периеетиков, и последние остатки настоящих дорийцев, предались расовому смешению, утонув в расовой смеси слоя гелотов. Под именем Спарты, в конце концов, существовала земля и полусвободное государство уже без спартанцев.

Собственно, битва при Левктрах в 371 году до н.э. была уже концом, несмотря на то, что после Левктр спартанская честь еще не была потеряна полностью. Когда армия фиванцев после битвы при Левктрах продвинулась вперед до Эвротаса, один озорной фиванец, по словам *Плутарха* (*Лаконичные изречения*) кричал плененному спартанцу: «Где все же теперь спартанцы?» Пленный отвечал: «Их нет, иначе вы бы здесь не стояли». Ответ показывает, что остаткам спартанского дорийства было ясно, что унаследованная сила отобранных родов оставалась сохраненной до конца, наконец, однако, число родов стало слишком малым; фиванцы проникли в Спарту без спартанцев. В 331 году до н.э. Спарта стала частичным государством македонского царства. (...) После битвы при Селласии в 221 году до н.э. враг, македонцы под командованием *Антигона Досона*, вступил, в первый раз в корневую часть спартанской земли и занял эту страну без дорийцев. В 195 году до н.э. Спар-

ту захватили римляне, навязав ее населению жестокие условия мира. В более позднее римское время город Спарта был тихим отдаленным свободным городом Римской Империи, который богатые римляне посещали как достопримечательность, как место славной спартанской истории, о которой образованные римляне хорошо знали.

То, что произошло после заката дорических родов в долинах Эвротаса и на Пелопоннесе вплоть до сегодняшнего дня, больше нельзя сравнивать с восемью-девятью столетиями дорической истории в этих землях. Многие поколения более многочисленного населения в той же самой окружающей среде больше не могли иметь такое же значение как раньше. Это население более позднего времени, было, пожалуй, еще наследником дорийцев по языку, но вряд ли уже их наследниками по крови. Там, где сегодня на Пелопоннесе и на Крите еще могут допускаться остатки дорического населения, маленькие группы потомков дорийцев средневропейского происхождения, то там речь идет о высокорослых, белокурых и светлоглазых людях в удаленных крестьянских поселениях. Лаконический диалект в области горы Парнон у восточной границы старой Спарты, вероятно, нужно выводить непосредственно из лаконического языка, т. е. не как другие диалекты от общего позднеэллинического языка, *koiné*; он из всех новогреческих диалектов сохраняет в самой большой степени черты древнегреческого.

Из: Ганс Ф. К. Гюнтер. История эллинического народа, Пэль, 1965
(составлено Семинаром Туле)

Доктор Конрад М. Штиббе

Другая Спарта

Спарта имела, по меньшей мере, некоторое время, два лица: кроме достаточно известного, которое мы можем кратко назвать «военным», было и другое, куда менее известное – «культурное». О последнем, вероятно, не стоило бы и говорить, если бы речь шла только о курьезной, провинциально ограниченной культуре. Тем не менее, мы знаем сегодня, что Спарта в седьмом и шестом веках до н.э. была ключевым центром не только муз, но и изобразительных искусств.

Поэты прибывали из всей Эллады, чтобы принимать участие в посвященных музам соревнованиях в Лаконии и принимать государственные заказы, или они на длительное время поселялись в Спарте, чтобы поставить свое искусство на службу местным праздникам. Помимо них работали спартанские архитекторы, скульпторы, резчики по слоновой кости, литейщики бронзы, гончары и художники по вазам, которые иногда выполняли работы также для

иностранных заказчиков, например, в Олимпии, и вывозили плоды своего труда по всему Средиземноморью. Их искусству подражали всюду. Наоборот, уважаемым архитекторам и скульпторам из других городов доверяли важные государственные заказы в Спарте и ее окрестностях. Одним словом, Спарта была городом, который не только был открыт для культуры того времени, но и в решающей степени участвовал в формировании этой культуры. Эту эпоху, например, с 650 до 550 года до н.э., мы можем обозначить как *Золотой век Спарты*.

Самым значительным достижением города было, пожалуй, его *Eunomia*, «хорошее законодательство», приписывавшееся *Ликургу*. Мы можем обозначить эту конституцию, в которой воспитание играет важную роль, по существу уже как художественное произведение, как мы можем оценивать также ее составные части по отдельности. Ее основа образовала так называемая Великая *Rhetra*, сегодня по праву считающийся подлинным и старейшим конституционным документом античной Греции основным закон, дословный текст которого передал нам *Плутарх*. «Монархия в форме власти двух царей, аристократия в форме совета старейшин и демократия в форме народного собрания образуют там гармоничное единство». Наряду с этим равенство всех граждан, это значит, способных носить оружие мужчин, было, по меньшей мере, столь же важным элементом. Оно основывалась на равномерном распределении недвижимого имущества, а также государственных рабов (гелотов), которые обрабатывали землю. С этим равенством, которое было новым и революционным, был также связан новый вид ведения войны, который со своей стороны лежал в основе военного доминирования Спарты: так называемая *тактика гоплитов*, при которой тяжеловооруженные воины продвигались в рядах рядом друг с другом и защищали друг друга своими щитами. Примерно в середине седьмого века до н.э. эта тактика была доведена до совершенства и укоренилась во всей Греции. Мы можем предполагать, что она была введена в Спарте с предшествующими ей необходимыми конституционными обновлениями, по меньшей мере, на полвека раньше.

Возникает вопрос, как вышеупомянутую другую, культурную Спарту можно совместить с конституционно-военной. В случае с поэзией это не слишком трудно: античное предание сообщает, что поэзия частично была на службе ведения войны (*Tyrtaios*), частично на службе внутривойсковых мероприятий против восстаний и эпидемий (*Terpandros, Thaletas*) и частично на службе религиозных праздников (*Terpandros, Thaletas, Alkman*). Сложнее объяснить процветание образовательного искусства и художественного ремесла. Уже тот факт, что приблизительно в 550 году до н.э. в Спарту позволили приехать иностранному архитектору и скульптору, чтобы спроектировать и построить внушительный для того времени, неповторимый монумент, трон *Аполлона* в Амикле, заставляет задуматься. В дальнейшем мы знаем из литературы (*Pausanias*), что местный художник *Гитиад* (*Gitiadas*), универсальный гений, прославившийся как архитектор, скульптор и поэт, соорудил

храм городской богини Афины Халкоикос на Акрополе Спарты в то же время. Именно фигура *Гитиада* заставляет нас утверждать, что в архаичной Спарте вряд ли не было местных художников. Поэтому мы должны исходить из того, что живой, заинтересованный менталитет, который мы замечаем и в остальном, делал возможным развитие собственного искусства в Спарте и способствовал ему. Наряду с *периеками*, которые как полусвободные граждане могли заниматься торговлей в провинциальных городах Лаконии, например, в портовом городе Гитеоне, и, возможно, принимали участие в производстве и продаже лаконических предметов искусства, вероятно, в Спарте седьмого и шестого веков до н.э. было несколько семей, которые наряду с их обыкновенной деятельностью в качестве свободных граждан посвящали себя также искусству и художественному ремеслу, как об этом свидетельствуют также другие греческие города как Коринф и Афины.

После 550 года до нашей эры в искусстве, в особенности в керамике как чувствительном градуснике, проявляется постепенный спад. Тем не менее, время от времени можно наблюдать взлеты, до тех пор, пока во время Персидских войн (490-480 гг. до н.э.) не наступил общий застой. Численность населения уменьшается, опасность восстаний рабов возрастает в той же мере как и страх перед вторжением снаружи. Все это влечет за собой одностороннюю концентрацию на военном аспекте жизни и вместе с тем отмирание почти всякого культурного интереса. В течение пятого века до н.э. Спарта принимает вид постоянного военного лагеря, из-за которого она пользуется дурной славой. В Афинах происходило в то же самое время прямо противоположное: после Персидских войн там начался золотой век для искусств, «классическая» эпоха, ставшая возможной вследствие освобождения всех живущих в народе сил, в том числе также благодаря демократической форме государственного правления. В сравнении с этим настаивающая на своих архаичных политических и военных традициях Спарта выглядела как бастион консервативной стойкости. Для некоторых афинян, испытывавших отвращение к идущим вместе с демократией эксцессам, спартанская форма государственного правления казалась заманчивой альтернативой. В особенности в кругу вокруг *Сократа* образовалась оппозиция против демократии, которая с (еще) живым примером Спарты перед глазами философствовало об идеальном государственном строе. Там началась, особенно благодаря трудам *Платона Politeia* и *Nomoi*, очень своеобразная с исторической точки зрения тенденция как абстрагировать форму государственного правления Спарты, так и идеализировать ее. Идея «Спарты» начала отделяться от реальности.

Этой тенденции суждено было сквозь столетия дожить до сегодняшнего дня и снова и снова находить сочувствие у тех, кто занимается идеальным государством. Станным при этом было и есть то, что идеализировали государство, которое было только лишь слабым отражением своего прежнего величия в его актуальной форме существования и в своем застое должно было демонстрировать как единственную добродетель только определенную ста-

бильность. Нельзя сказать, что у Спарты в Афинах пятого и четвертого столетий до н.э. не было философских противников – ведущие демократы, такие как *Перикл*, очень хорошо осознавали силы их собственной, анτισпартанской точки зрения. В конце концов, они должны были взять верх. Также здесь в дуге напряжения между теорией и практикой кроется своеобразный парадокс: Спарта во время своего расцвета, в седьмом и шестом веках до н.э., была первопроходцем равенства всех ее граждан; теперь, в пятом веке до н.э. ее против воли загнали в лагерь антидемократических, олигархических властителей. (...)

Одна из многих причин, почему, также еще и сегодня, трудно обсуждать Спарту объективно, снова лежит в том очень примечательном факте, что Спарта в противоположность Афинам не знала собственного летописания. Даже в пятом веке до н.э., когда в Афинах жили такие выдающиеся историки как *Геродот* и *Фукидид*, спартанцы не ощущали у себя необходимости записывать славные действия их предков. Саморефлексия не соответствовала спартанскому складу характера. Это влечет за собой, что мы сегодня смотрим на историю Спарты через афинские очки, которые вопреки похвальным усилиям афинских историков не лишены необъективности. Только около 200 года до н.э., к концу политической независимости Спарты, в Спарте жил один историк, *Сосибий*, от произведений которого, тем не менее, к сожалению, сохранились только отрывки. Он интересовался, по-видимому, прежде всего, религиозными обычаями и написал в этой связи примечание к произведению самого великого спартанского поэта, *Алкмана*.

В принципе, картина исторической Спарты, которая становилась постепенно видимой только в двадцатом веке, куда интереснее и разнообразнее, чем это позволяет предположить часто абстрагирующее и идеализирующее предание.

Бог Эрос в Спарте

До начала битвы спартанцы перед лицом врага приносили жертву богу Эросу. Они хотели этим добиться расположения бога, который охранял узы дружбы и тем самым единство армии. Часто это были именно дружеские пары, которые отправлялись на бой. Такая пара состояла из более старого и более молодого мужчины, причем более старый был ведущим, более молодой – прислуживающим и любознательным учеником. Их отношения были педагогическими, основывавшимися в большинстве случаев на расположении более старого к более молодому. Возникновение этих отношений было обязано как раз этому Эросу, «любви, называемой дружбою».

Понимание того, что такие дружеские отношения имеет мало общего или вовсе ничего общего с тем, что сегодня называют гомосексуальными связями, начинает побеждать. К педагогическому Эросу в античной Греции относятся

несколько элементов, которые в наше время большей частью отсутствуют. Одним из них было заботливое воспитание, другим соперничество, агональный принцип. Радость от того, что можно помериться собственной силой с силой другого, в физической и в умственной области, проявлялась не только во многих гимнастических и эстетических соревнованиях греков, но и в их индивидуальных отношениях. Для этого были необходимы способности, которые более опытный и более старший мог передать более молодому. Однако, не только между взрослым мужчиной и молодым человеком, но и между женщинами и девочками также могли развиваться педагогически агональные отношения, как доказывает круг вокруг *Сапфо* на Лесбосе.

В Спарте девочки могли, впрочем, больше развиваться, чем в других частях Греции при руководстве старших в духовном плане и физически. Одно из самых важных свидетельств этого – это стихотворения *Алкмана*. Самый длинный фрагмент из него, который нам известен, содержит описание такого педагогического отношения между более старыми и более молодыми женщинами, основанного на любви, восхищении и соперничестве. У бога любви была функция в ведении войны в Спарте, да, можно было почти сказать, что он состоял на службе у военного дела. Тем не менее, при этом мы должны понимать, что ведение войн было не только горькой необходимостью, но и охотно взятым на себя образом жизни для спартанцев. Сражения в ранней античности обладали абсолютно другим значением, чем в более поздние времена. Это было одним из нормальных занятий рожденных свободными мужчин, так же как охота и спортивные соревнования. Кроме того, это было привязано к временам года: на войну шли только в теплое время года. С противниками обходились осторожно, так как они в следующий сезон снова были необходимы. Таким образом Спарта, вопреки чувствительным поражениям и блистательным победам, так никогда полностью не покорила и не уничтожила своего заклятого врага Аргоса.

Как спорт и игра, как пение и танец, как вера и культ: все стояло под знаком этой одной основной страсти спартанцев, которую они сделали своим образом жизни. В противоположность другим греческим городам-государствам, в которых постепенно развивалась более мирная культура, консервативные спартанцы из-за их подлинной предрасположенности, традиций и географической изоляции оставались верными тому образу жизни, который со временем все больше становился курьезом, также и для самих греков. Утрированно можно было бы сказать, что ведение войны было для спартанцев таким же соревнованием как любое другое, с одним лишь различием, что в войне на карте стояла сама их жизнь. Поэтому война требовала особенной преданности и особенных жертв. В этой связи мы должны понимать жертвы, которые приносились Эросу, силе, которая определяла исход этого своеобразного соревнования.

Эрос был богом гомосексуализма, как Афродита была богиней любви между мужчиной и женщиной. Спартанская форма гомосексуализма содержала, как мы установили, два элемента: педагогический и агональный. На вопрос, присоединялся ли к этому еще третий элемент, мы в случае Спарты должны ответить отрицательно. Тут подразумевается идеальная составная часть, желание более старого, из своего более молодого друга сделать не только смелого, но и доброго человека.

Конрад М. Штиббе, *Другая Спарта*, 1996
(составлено Семинаром Туле)

Профессор доктор Ганс Ф.К. Гюнтер

Спартанское поддержание наследственности

Спартанцы обращали внимание на наследование человеческих задатков и на сохранение состава ее господствующего слоя. В произведении *Плутарха* о *Ликурге* можно увидеть, что Спарта обладала настоящим законодательством, охраняющим здоровую наследственность. (...) Действительно эта приписываемая *Ликургу* конституция сохраняет также в законах о поддержании наследственности индогерманские традиции, которые получили дальнейшее развитие в спартанских условиях и получили в течение столетий законную силу. Конституция *Ликурга* хотела внушить спартанцам то, что согласно *Плутарху* (*О злонамеренности Геродота*, 32) царь *Леонид* высказал по отношению к спартанским женщинам как завещание, когда он отправлялся на верную смерть на битву при Фермопилах: «*Выходите замуж за лучших и рожайте лучших!*» Такое понимание наследственного улучшения было свойственно в Спарте мужчинам и женщинам. Для всех свободных мужчин со здоровыми качествами, по словам *Поллукса* (*III, 48; VII, 40*), был долг бракосочетания. *Плутарх* (*Lysandros 30*) сообщал, что в Спарте наказывали тех, кто не вступал в брак или вступал в брак слишком поздно или с бесплодной женщиной. Также по сведениям *Афенея* (*XIII, 555 c/d*) было наказание за безбрачие, холостяков презирали; они не могли быть зрителями на соревнованиях, и юноши не поднимались при их прохождении, как они делали это по отношению к мужчинам, состоящим в браке. Государственная сила Спарты приписывалась эллинскими летописцами отсеиванию, отбору и выбраковке племени и его родов. *Ксенофонт* в своем труде о конституции лакедемонян (*1,10; V, 9*) сначала подчеркивает как очевидный факт, что законы *Ликурга* дали Спарте мужчин, отличающихся высоким ростом и силой, и тогда делает общий вывод: «*Легко можно понять, что эти мероприятия [просеивание, отбор и выбраковка] произведут племя, превосходящее других в росте и силе; нелегко найти более здоровый и более пригодный народ, чем спартанцы*». *Геродот* (*X, 72*) называет спартанцев самыми прекрасными мужчинами среди

греков. Расовая особенность спартанок характеризуется творившим примерно в 650 году до н.э. в Спарте поэтом *Алкманом (фрагменты 54)*, который хвалит свою двоюродную сестру Агесихору: ее волосы цветут как несмешанное золото над серебристым лицом. Сравнение светлой кожи с серебром можно найти уже у *Гомера*. В пятом веке до н.э. поэт *Вакхулид (XIX, 2)* хвалил «*белокурых девушек из Лаконии*». Еще архиепископ Фесалоник Евстафий, который жил в двенадцатом веке нашей эры, писавший комментарии к *Гомеру*, заметил при упоминании одного места в «*Илиаде*» (*IV, 141*), что у спартанцев знаками мужской сущности были светлая кожа и белокурые волосы.

Понимающие мужчины других эллинских племен всегда признали благородный вид спартанцев, даже тогда, когда их отечество воевало со Спартой. Дальновидный *Фукидид (III, 83)* жалеет об исчезновении великодушия и откровенности у дорийцев во время Пелопоннесской войны, которую его родной город Афины вел против Спарты. Во всей Элладе люди с благородными задатками видели в Спарте лучший идеал для эллинства. Так думал также *Платон*, предложения которого для государственного поддержания наследства следовали дорическому образцу. Мужественность и государственный образ мыслей доричества в Спарте, сохранение умеренности и чести, эти аполлонские черты владеющего собой и созданного для выполнения приказов сословия благородных мужей: всеми этими основными чертами восхищались наилучшие люди в Элладе. Но укрепленное единство спартанской сущности в течение столетий было наверняка результатом определенно направленного отбора в спартанском племени, сознательного соблюдения предусмотренных законами Ликурга направлений отбора.

Профессор Ганс Ф.К. Гюнтер, указ. сочин.
(составлено Семинаром Туле)

Доктор Юрген Браке

Отбор и воспитание как основы формирования человека

Высокие требования внутри спартанского государства могли выполняться только тогда, если за ними стояли люди, твердая позиция которых полностью определялась воодушевлением и ответственностью за общее дело, и силы которых были увеличены до чрезвычайной мощи и направлены на службу обществу. Фундаментом для воплощения этой твердой позиции и для ее долговечности, позволявшей протянуться сквозь поколения, были планомерный расовый отбор, поддерживавший и способствовавший поддержанию единого и высококачественного кровного наследия среди спартанцев, и воспитательная система, которая своей внутренней сплоченностью и всесторонней фор-

мирующей силой создавала из этой субстанции тип политически-воинственного правящего слоя. Оба фактора, *расовый отбор* и *воспитание*, в самом тесном взаимодействии друг с другом, были источниками, из которых снова и снова обновлялась человеческая сила Спарты. Спарта среди государств античного мира была самой ярко выраженной *кровной общностью*. Общее у греческих племен убеждение, что все настоящие ценности и все большие достижения проистекают из унаследованных от предков сил крови, было здесь живо в особенной остроте и категоричности. И происходящие из древнейших времен обычаи, направленные на то, чтобы сохранять исконный вид без отклонений и ослаблений, не только особенно богато развились здесь, но и были подняты до одного из самых важных основных законов государства. Множество учреждений заботилось о том, чтобы слой ведущих спартиатов пополнялся только из старого дорического кровного наследия и чтобы приток происходил только от здоровых и надежных сил. (...)

Житейская мудрость спартанцев содержала четко выраженное знание о соотношении воспитания и сил крови. Насколько сильно вращение молодого поколения в идеалы отцов могло удасться только от корней исходно здоровой и неиспорченной природной склонности, настолько же сильно требовалось этому поколению решающее воспитательное придание формы, если оно не хотело одичать и зачахнуть, и если наилучшее должно было быть извлечено из него. Спартиат был в полном владении арете не только из-за рождения из благородной крови, но становился таким только после отбора через государственное воспитание. Таким образом, поддержание расы и воспитание расы были согласованы, пожалуй, одно с другим и взаимно себя дополняли.

Доктор Юрген Браке, *Спартанское государственное воспитание*.
Обработано по источникам, 1939

Профессор доктор Гельмут Берве

Вечность Спарты для Европы

С битвой при Мантинее (362 год до н.э.), в которой погиб Эпаминонд, но удержалось его творение на Пелопоннесе, великая историческая роль Спарты в греческой истории ушла в прошлое. Уже полвека как разложившаяся изнутри, теперь также лишенная власти, скрывавшей психическую пустоту, она больше не излучала ни силы, ни ценности на безнадежно разорванный, растерзавший сам себя мир эллинских государств. Лакедемон отныне является на Пелопоннесе только одним из государств наряду с другими; о каком-нибудь ведущем его положении больше нельзя говорить серьезно. Наоборот, он меньше, чем другие общины, принимает участие в общих движениях и судьбах греков. Жесткость, с которой поддерживался неизменный статус-кво

назло претензиям на Мессению, так же не принесла удачи как демонстрация во время, слишком считающееся с отношениями, позже упрямый отказ заключить мир и союз с македонским царем *Филиппом*, но с политической точки зрения одно было столь же незначительно, как другое.

Причиной этого был отказ от реального политического мира, из-за которого Спарта исключила саму себя из исторической жизни ее народа. Хотя закон космоса мог теперь снова строго соблюдаться, но экономическая необходимость последующего времени, когда даже спартиаты оказались вынуждены заниматься работой на полях, поддержания старого уклада жизни должно было принести серьезные трудности. Группа мужчин, насчитывающая теперь не более тысячи человек, которая в изоляции и политической уединенности старалась продолжать вести жизнь в духе давно устаревших идеалов, была теперь только сектой, в лучшем случае далеким от мира орденом, но уже не политическим правящим слоем. Даже если в третьем веке до н.э. два царя еще раз выдвинули притязания в том направлении, то этот приговор остается в силе, тем более, что эти оба реформатора в полной мере сами доказали бесперспективность любого политического возрождения в деятельности, судьбе и характере. Для того, что значила Спарта как ценность в истории запада и для участвующих в этой истории европейских народов, важно не ее случайное вмешательство в борьбу больших эллинских держав, также не ее романтическое, быстро угасшее вспыхивание старых притязаний, не еще что-то из пестрых пустяков ее более позднего существования, а продолжение жизни возвышенной политической идеи, которая однажды осуществила это исторически в сознании будущего поколения.

Почти в то же время, когда началось ее внутреннее размывание, государственно-теоретическое мышление овладело космосом и его своеобразными порядками. С тех пор Спарта образует всегда повторяющуюся тему в обсуждениях философов и государственных деятелей, моралистов и педагогов. Это позволило бы написать себе историю ее «жизни после смерти», которая в конце показывала бы нас самих, в предварительном конце этой европейской линии. Историческая Спарта, конечно, при таком рассмотрении подвергается опасности чрезмерной идеализации и потери силы исторического примера, оказывающего свое воздействие своей реальностью, которой он однажды владел. Но все же, с другой стороны, нельзя утаить, что имманентная идея, и лишь в меньшей степени неповторимые события и придания формы, являются тем, что дает истории мировое значение как раз этого государства. Каким бы далеким и отличающимся от нашего мышления и желания оно ни могло бы во многом казаться, как мало спартиатская аристократическая общность подобна народной общности, так мало ее жизнь была направлена на производительность или тем более на «культуру» в современном смысле, через всю эту инаковость вида, исторических фактов, социального наслоения на нас смотрят те проблемы, ценности, действия и судьбы, которые мы воспринимаем как свои, с которыми мы тоже должны справляться, с которыми мы

тоже вынуждены бороться и от них страдать. Как вечность художественного произведения определяется тем, что оно олицетворяет последние инстинкты и стремления человеческого бытия в слове или картине, так и вечность исторических явлений присоединена к исполнению последних человеческих заданий. В этом смысле история Спарты обладает вечностью для всех, в конечном счете, родственных греческому народу народов, к которым мы относимся сегодня более осознанно, чем когда-либо. Так как то, что означают закон и общность, преданность, отношение и форма, сила гордой воли, искушение власти, нечестность мнимого величия, она представляет в простых, больших картинах перед нашим вопрошающим взором.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).